

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

ВОПРОСЫ Я З Ы К О З Н А Н И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

1

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1970

Академик Виктор Владимирович Виноградов	3
А. С. Мельничук (Киев). Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма.	19

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. А. Аврорин (Ленинград). Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири.	33
Б. А. Серебрянников (Москва). Почему трудно разрешить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии?	44
Г. Ф. Благова (Москва). Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения.	60
Г. А. Меновщиков (Ленинград). Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа.	82
В. Г. Адмони (Ленинград). Еще раз об изучении количественной стороны грамматических явлений.	89
В. Я. Мыркин (Архангельск). Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык — речь.	102

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. А. Климов (Москва). К чтению двух памятников агванской (кавказско-албанской) эпиграфики.	109
А. А. Дарбеева (Москва). О личных местоимениях третьего лица в монгольских языках.	113
Н. И. Хренова (Москва). Совместимость флексий склонения имен мужского рода в русском языке XVII—XVIII вв.	118

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Н. Ю. Шведова (Москва). Исследования по общей теории грамматики	125
В. И. Кодухов (Ленинград). <i>V. Z. Panfilov. Grammar and logic.</i>	131
А. Б. Пенковский (Владимир). <i>Л. Л. Касаткин.</i> Прогрессивное ассимплативное смягчение задненёбных согласных в русских говорах.	135
В. В. Колесов (Ленинград). <i>К. В. Горшкова.</i> Очерки исторической диалектологии Северной Руси.	143
С. М. Толстая. <i>Н. J. Aronson. Bulgarian inflectional morphophonology.</i>	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.	156
-------------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ

О. С. Ахманова, В. В. Виноградов (главный редактор),

В. М. Жирмунский (зам. главного редактора), Э. А. Макаев, М. В. Панов,
В. З. Панфилов, И. И. Резгин, Ю. В. Рождественский, Б. А. Серебрянников,
Н. И. Толстой (отв. секретарь редакции), О. Н. Трубачев

Адрес редакции: Москва, К-31, Кузнецкий мост, 9/10. Тел. 228-75-55

Окончилась сложная и многотрудная жизнь академика Виктора Владимировича Виноградова, жизнь ученого редкого дарования, большой научной принципиальности и исключительного трудолюбия, жизнь, пропитанная любовью к русскому языку, культуре и литературе, жизнь, превращенная в служение родному русскому слову. С именем В. В. связан целый этап в развитии русской филологической науки, целое направление, для которого была характерна, с одной стороны, преемственность и связь с традициями, установленными лучшими представителями отечественной лингвистики — И. И. Срезневским, Ф. И. Буслаевым, А. А. Потебней, С. И. Соболевским, А. А. Шахматовым, — с другой стороны, поиски новых путей и методов, создание новых научных дисциплин и курсов в нашем языкознании и филологии. В. В. взял на себя и во многом успешно выполнил трудную задачу подведения итогов русской языковедческой мысли более чем за полтора века, тщательно подбирая материал, пылливо его анализируя и бережно сохраняя и восстанавливая все, что уже забывалось, было под спудом или давно предалось забвению.

Эти итоги не были и не стали простым собранием фактов и примеров, каталогизацией архивных ценностей и находок — они послужили фундаментом для нового здания современной науки о русском языке, возводимого трудами и вдохновением многих зодчих, среди которых первым еще многие и многие годы будет называться Виктор Владимирович.

В. В. Виноградов родился 31-го декабря (по старому стилю) 1894 г. в Зарайске (Рязанской губернии) в интеллигентной семье священника, где духовной жизни и нравственному воспитанию уделялось особое внимание. Среднее образование он получил в Рязани, а студенческие годы его прошли в Петрограде, где в 1917 г. он окончил одновременно два высших учебных заведения — Историко-филологический институт и Археологический институт. С 1918 г. по 1920 г. В. В. находился в Петроградском университете, где по представлению акад. А. А. Шахматова был оставлен для подготовки к профессорскому званию по русскому языку и словесности. После сдачи магистерского экзамена и представления магистерской диссертации «Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Очерки из истории звука *ѣ* в севернорусском наречии» В. В. получил звание доцента и в 1920—1921 гг. начал читать курс по истории русского языка на историко-филологическом факультете Петроградского университета. С тех пор до самой кончины не прекращалась педагогическая деятельность В. В. С 1930 г. начинается его профессорская деятельность в Москве (с перерывом на 1934—1937 гг. в Вятке и 1941—1944 гг. в Тобольске), где он до последних дней руководил кафедрой русского языка филологического факультета МГУ.

С 1924 г. по 1930 г. В. В. работал в Государственном институте истории искусств в качестве его действительного члена и председателя Секции художественной речи Отдела словесных искусств. В этот период его товарищами по Институту были Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Ю. Н. Тынянов и др., чьи работы по формальной поэтике и истории литературы открыли блестящую страницу в истории нашей филологической науки. В плане занятий секции художественной речи в то время было изучение вопросов звучащей речи, стилистики (поэтической семантики, синтаксиса, лексикологии), теории русского литературного языка и проблемы языка как социальной деятельности.

С 1938 г. научные устремления В. В. связаны также с Академией наук. Первоначально он работает старшим научным сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, а затем в 1946 г. избирается действительным членом Академии. После лингвистической дискуссии 1950 г. В. В. Виноградов становится академиком-секретарем Отделения литературы и языка (до 1963 г.) и директором Института языкознания, а затем Института русского языка (с 1958 г. по 1968 г.). В последний год своей жизни В. В. заведовал сектором поэтики и стилистики в Институте русской литературы (Пушкинский дом).

В. В. Виноградов был бессменным председателем Советского комитета славистов со дня его основания (в 1956 г.), председателем Международного комитета славистов в период подготовки и проведения Московского IV Международного славистического съезда (1956—1958 гг.), а затем вице-президентом этой всемирной славистической организации. В последнее время В. В. был также президентом Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Имя В. В. широко известно за пределами нашей страны. Его книги и труды переведены на ряд иностранных языков, несколько зарубежных университетов избрало его почетным доктором и многие академии — почти все славянские, французская, немецкая, датская — сочли чстью принять его в свои члены.

В. В. с достоинством и тактом представлял русскую культуру и науку о русском языке у себя на родине и за рубежом. К его авторитетному, взыскательному, а иногда и острому слову прислушивались многие. Он умел везде — в книгах, статьях, лекциях и дискуссиях — выделить главное, подчеркнуть спорное, ввести новую аргументацию и не известный ранее материал, предложить, даже в тех случаях, когда дело касалось изложения фактов истории науки, свое не навязчивое, но всегда оригинальное и во многом неповторимое виноградовское решение вопроса.

В творчестве В. В. нельзя выделить периода ученичества. Он сразу выступил с трудами, поражающими зрелостью мысли, четкостью методологического подхода к решаемым проблемам, мастерским владением материалом. Но этому блестящему дебюту предшествовала вдумчивая и настойчивая учеба, накопление больших знаний по русской, славянской и классической филологии, палеографии, археографии, текстологии. «Больше всего я занимался, — писал В. В. в 1946 г. в своей автобиографии, — под руководством профессоров С. К. Булича, Н. М. Каринского, Д. К. Петрова, Ф. Ф. Зелинского, А. В. Никитского, А. К. Бороздина, М. И. Ростовцева, Н. П. Лихачева, С. Ф. Платонова и И. А. Шляпкина». Но только к двум лицам адресовал В. В. слово *учитель* по всей его емкости и полноте — к академику А. А. Шахматову и к академику Л. В. Щербе. Их фотографии висели всегда у его рабочего стола, их труды и методология служили отправным пунктом для многих научных исследований и начинаний В. В. Им обоим В. В. посвятил ряд специальных статей.

В сохранении и развитии шахматовских и щербовских традиций В. В. видел гарантию плодотворного поступательного движения нашего языкознания. В статье «Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы» В. В. выдвинул на первый план предостережение своего учителя от соблазна «терминологией заменить исследование»¹. И далее, как бы раскрывая внутренний смысл щербовского завета, В. В. привел слова Л. В. Щербы: «...голая схематизация кроет в себе

¹ В. В. Виноградов, *Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы*, сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)», [Л.], 1951, стр. 33.

опасности для дальнейшего развития науки: люди приучаются смотреть на факты сквозь клеточки таблички, вместо того чтобы их попросту и по возможности беспристрастно описывать; все новое и хоть сколько-нибудь непредвиденное безвозвратно для них погибает. Между тем опыт показывает, что всякие таблицы и схемы расползаются по всем швам, как только попробовать вставить в них факты живой действительности»².

Однако отрицание схематизма ни у Л. В. Щербы, ни у В. В. Виноградова не означали отказа от системного подхода к языку, от изучения его структуры, ведущего в конечном итоге к признанию взаимообусловленности различных звеньев языка. Во всех работах В. В. собственно грамматический материал теснейшим образом сплетается с изучением лексики, фразеологии, художественной речи, стилистики.

В. В. Виноградова как грамматиста отличал энциклопедизм знаний, непревзойденное владение языковым материалом, тонкость и глубина анализа. Его грамматические труды отражают подход к изучаемому объекту как к такому явлению, которое должно быть познано во всей его многогранности. Творческая интуиция была постоянной характеристикой его исследовательского метода. Колоссальная масса сведений о самых различных явлениях языка, литературы и культуры, невиданное «богатство ассоциаций», — все то, что всегда сопровождало В. В. при анализе и оценке любого факта языка, позволяло ему тонко и точно суммировать и систематизировать лингвистический материал, который на первый взгляд может показаться практически необозримым. В. В. предлагает такую группировку фактов, которая обнаруживала бы всю сложность внутренней организации языковых явлений во всем многообразии их связей и опосредствований. Его лингвистический дар оживлял и заставлял сверкать разнообразными гранями ту, по образному выражению Л. В. Щербы, «серую массу фактов», которая «безмолвствует» перед другими.

Научным методом В. В. Виноградова был метод объективного синтезирующего исследования внешних и внутренних сторон языка. В его работах нет строгого разделения формального и функционального аспектов: он полагал, что «...каждый из основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций» («Русский язык», стр. 8).

Трудам В. В. чужда какая-либо схематизация языкового материала: его научным кредо было описание языковой действительности во всей ее сложности, иногда и противоречивости, такой, какова она есть. Верный своему лингвистическому мировоззрению, унаследованному им от его великих учителей, В. В. отвергал всяческие упрощения и схемы.

Своеобразие научной позиции В. В. как грамматиста заключалось в том, что исследование любого языкового явления для него было неотделимо, во-первых, от исторических корней этого явления, во-вторых, от всей окружающей языковой обстановки, от связей этого явления с другими, на него влияющими. Отсюда — стремление не просто точно описать, но обязательно всесторонне о б ъ я с н и т ь, рассмотреть грамматический факт под самыми различными углами зрения.

Органической чертой трудов В. В. Виноградова является историзм, пронизывающий все «поры» его грамматических разысканий. Блестящий историк языка, филолог, глубоко знавший историю русской литературы, культуры, быта, общественного сознания, В. В. Виноградов не мыслил описания грамматического строя современного русского языка без исторических данных. «Как название, как указание на предмет, — писал он, — слово является вещью культурно-исторической» («Русский язык», стр. 13).

² Л. [В.] Щерба, К вопросу о транскрипции, ИОРЯС, XVI, 4, 1912, стр. 162.

Поэтому часто под его пером изложение вопросов теории прерывается — порой неожиданно для читателя — яркими вставками, иллюстрирующими историю формы, слова, его лексического значения. Историкам науки еще предстоит рассмотреть и оценить тот колоссальный вклад, который внес В. В. в изучение «живого настоящего» на основе метода диалектического синхронизма, т. е. с последовательным различием в этом настоящем черт прошлого и зародышей будущего.

Перу В. В. Виноградова принадлежат многочисленные работы по русской грамматике — морфологии, словообразованию, синтаксису, — вошедшие в золотой фонд русской и мировой лингвистики. Среди этих работ в первую очередь нужно назвать такие труды, как «Современный русский язык» (1938), «О формах слова» (1944), «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947), «О грамматической омонимии в современном русском языке» (1940), «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (1950), «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» (1950), вводные главы к 1 и 2 томам «Грамматики русского языка» (1952—1954) и в этой же книге — главы по словообразованию, «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (1952), «Вопросы изучения словосочетаний» (1954), «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» (1958). Много важных положений и новых идей рассыпано также в историографических трудах В. В. Виноградова.

Среди всех этих работ книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» представляет собой совершенно особое и уникальное явление: это единственный полный курс русской морфологии, в котором читатель находит изложение новых идей, целостных оригинальных концепций по всем центральным проблемам грамматики. В этой книге, так же, как и в других работах В. В., поражает обилие свежего, живого материала, точность, тонкость и полнота характеристик слова со стороны его грамматической семантики.

Для работ В. В. по грамматике характерна своеобразная цикличность исследования. Изучая те или иные вопросы и публикуя результаты своих разысканий, он как бы вступал лишь в первую стадию проникновения в соответствующую проблематику, — с тем, чтобы позднее снова возвратиться к ней, углубив и расширив и сам материал и его теоретическое истолкование. В 1927 г. в Ленинградском лингвистическом обществе В. В. сделал доклад с изложением своей концепции частей речи. Это было началом его грамматических исследований. Через десять лет в двухтомном «Современном русском языке» его общая грамматическая концепция оказывается представленной в значительно углубленном и конкретизированном виде. Впоследствии В. В. разрабатывает теорию форм слова, грамматической омонимии, работает над вопросами организации синтаксической системы. В 1947 г. вышло «Грамматическое учение о слове», воплотившее в себе все лучшие черты исследовательского метода В. В. За этой книгой последовала целая серия новых работ, где углубленно исследуются центральные вопросы грамматической теории. Вводные главы к «Грамматике русского языка» обобщили, систематизировали и обогатили то, что было сделано ранее, открыв новые широкие перспективы научных поисков.

В трудах В. В. получили освещение и новое решение все центральные вопросы грамматической теории: объект грамматики, слово как грамматическая единица, проблема частей речи, взаимоотношения морфологии и синтаксиса, морфологии и словообразования, словообразования и лексикологии, строение слова, основные категории синтаксиса и их взаимодействие, общая иерархия грамматической системы и взаимосвязанность

ее звеньев. По всем этим вопросам В. В. предложил свои, оригинальные и конструктивные решения, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, но которые обладают тем драгоценным для науки свойством и той непреходящей ценностью, что они составляют необходимую ступень в поступательном движении познания.

Центральными понятиями и центральными единицами грамматики В. В. считал слово и предложение. Наиболее рациональным делением грамматики он полагал следующее: 1) грамматическое учение о слове; 2) учение о словосочетании; 3) учение о предложении; 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях.

Слово как система форм и значений является, по определению В. В., «конструктивным единством лексических и грамматических значений» и одновременно «фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка» («Русский язык», стр. 15). На основе такого понимания В. В. Виноградов выделил «основные структурно-семантические типы слов»: 1) слова — названия (части речи), 2) связочные или служебные слова (частицы речи), 3) модальные слова и частицы и 4) междометия. Это было развитием системы, в общих чертах намеченной Щербой.

Предложенная В. В. система частей речи, разграничиваемых на основе степени номинативной самостоятельности принадлежащих слову грамматических форм и характера синтаксического употребления, заняла прочное место в современной грамматической науке. Выделение в самостоятельные классы «категории состояния» и «модальных слов» стимулировало научные дискуссии об общих принципах выделения частей речи в разных языках.

Грамматическое учение о слове, созданное В. В., было полемически направлено против внешних, сугубо формальных построений, сводивших морфологию к науке о «чистых формах». «...изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений — невозможно», — писал В. В. Виноградов («Русский язык», стр. 7).

Его учение о слове, обращенное к содержательной стороне грамматики, к сложным вопросам грамматической семантики в их отношении, с одной стороны, к форме слова и, с другой стороны, к его лексическому значению, было огромным шагом вперед в развитии грамматической теории: оно открывало новые перспективы и новые пути исследования.

Велик вклад В. В. в изучение строения русского слова. Он впервые дал полный перечень и характеристику аффиксальных типов русского именного словообразования. Краеугольным камнем его концепции явился тезис о тесной связи словообразовательных типов с морфологическими: типы аффиксального именного словообразования были систематизированы в соответствии с морфологическими классами образуемых слов. В. В. показал тесную связь словообразования, с одной стороны, — с грамматикой, с другой — с лексикологией и выдвинул конструктивный тезис об особом месте словообразования в кругу лингвистических дисциплин. Его учение о способах русского словообразования — морфологическом, морфолого-синтаксическом, лексико-синтаксическом и лексико-семантическом — оказало большое влияние на все последующее изучение словообразовательных систем как русского, так и других языков.

В грамматических трудах В. В. большое место занимает вопрос о продуктивности морфологических форм и словообразовательных типов, а также вопросы грамматической омонимии и синонимии.

В центре синтаксического учения В. В. Виноградова стоит теория предложения и словосочетания, предикативности и модальности, а также теория синтагмы. Во вводных частях к синтаксическим томам «Грамма-

тики русского языка» (1954) им была изложена стройная синтаксическая концепция, которая оказала большое влияние на последующее развитие науки. Еще в 1948 г. В. В. опубликовал аннотацию своего «Введения в синтаксис русского языка» («Докл. и сообщ. [Ин-та русского языка АН СССР]», 1). «Рациональным делением синтаксиса» здесь было признано деление на три раздела: 1) учение о словосочетании и его типах; 2) учение о предложении и его типах; 3) учение о сложных синтаксических единствах и теория синтагм. В последующих трудах были подробно разработаны основания для построения двух первых разделов.

Главные положения синтаксической концепции В. В. могут быть сформулированы следующим образом: 1) словосочетание как единица номинативного уровня языка (номинативная) противопоставлено предложению как единице коммуникативного уровня; эти единицы различаются формально и функционально; 2) грамматическими признаками предложения являются интонация сообщения и предикативность как сложное единство значений модальности, времени и лица; предикативность и модальность являются центральными категориями синтаксиса предложения; 3) традиционное учение о второстепенных членах предложения строится на неграмматических основаниях и должно уступить место собственно грамматическому рассмотрению возникающих в предложении связей и отношений.

В. В. Виноградов выдвинул важнейшую проблему соотношения лексики и грамматики в сфере синтаксиса, уделив много внимания явлениям лексической несвободности синтаксических конструкций. Не случайно в его «Грамматическое учение о слове» внесен раздел о несвободных сочетаниях слов, стоящих на разных ступенях фразеологизации. После его работ вопрос о правилах лексического наполнения синтаксических конструкций встал в один ряд с вопросами об их формальной организации и грамматическом значении.

Грамматические труды В. В. насыщены материалами, освещающими иные взгляды, иные концепции,— старые и современные. Это не случайно. Ученый ставил перед собой благородную задачу «не только изложить свою систему грамматического учения, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики» («Русский язык», стр. 2). Тревожимый мыслью о том, что «многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях» («Русский язык», стр. 3), В. В. щедро вводил в свои исследования обширные историко-лингвистические excursus, посвящал многие страницы детальному рассмотрению взглядов других ученых. Его историографические труды могут служить образцом научной тщательности, scrupulозной точности в изложении разных концепций, в освещении сложных путей развития лингвистической мысли.

Труды В. В. по грамматике оказали большое и плодотворное влияние на построение учебных пособий и программ. На его грамматическую систему в значительной степени ориентируются не только вузовские курсы по современному русскому языку, но и учебники, предназначенные для средних учебных заведений.

Грамматическая система, построенная В. В., имела огромное значение не только для русистики. Выдвижение слова как центрального объекта грамматики, внимание к его форме, понимаемой как неразделимое единство внешней организации и грамматического значения, оказало плодотворное воздействие на труды ряда советских ученых, работающих в области языкознания германского, романского, тюркского и других. Это воздействие отмечается у нас и в сфере новейших структурных опи-

саний, в которых слово и предложение фактически продолжают оставаться центральными единицами анализа: «Специфика лучших структурных работ в нашей стране заключается в том, что в них не произошел абсолютный отход от основных единиц описания и понятий традиционной грамматики, а была сделана попытка дать этим единицам и понятиям новые, формальные, определения»³.

Система частей речи, предложенная В. В. Виноградовым, и, шире, его общие принципы вычленения лексико-грамматических разрядов слов оказали большое влияние на работы специалистов по разным индоевропейским языкам. Многое здесь было пересмотрено, классификации были углублены и дифференцированы на основе применения целого комплекса новых критериев. Появились интересные работы, выделяющие разряды слов «категория состояния» и модальных в языках уже хорошо изученных, имеющих описания, освященные научной традицией. Весьма ощутимо также в работах по германистике и др. влияние учения В. В. о предикативности и модальности предложения, о категории залога, о глагольных видах и временах.

Конкретно-грамматические исследования В. В. дополнялись и расширялись исследованиями по истории литературного языка. Наука о формах слова и частях речи не ограничивалась сферой собственно грамматической абстракции; функционирование формальных средств языка и в грамматическом и в стилистическом плане, с учетом конкретно-исторических условий — иными словами, бытование, жизнь языковых категорий и всего языка в целом интересовали В. В. не в меньшей мере, чем сама языковая система, отдельно взятая и имманентно развивающаяся. История языка на общем фоне истории культуры, жизнь языка в связи с характером и развитием литературы и общества — таков был подход В. В. к предмету лингвистики в целом, таково было понимание науки, которой он посвятил свою жизнь.

В одной из своих поздних работ В. В. писал о том, что, согласно определившейся в самом начале XX в. основной традиции русской интеллигенции, увлеченной морально-общественной идеей самопознания, А. А. Шахматов интересовался «судьбами родного народа, его ролью в мировой истории», раскрывая их путем глубокого изучения «русского исторического процесса, истории русской жизни, русской культуры, истории русского языка и русской литературы»⁴. В связи с этим В. В. приводил слова А. А. Шахматова о том, что «самопознание возможно лишь при известной широте кругозора: расширение же нашего русского кругозора достигается прежде всего приобщением к нему всего греко-славянского мира, с которым мы так тесно связаны исторически и политически»⁵.

Изучение Виктором Владимировичем проблем истории — происхождения, становления и бытования древнерусского литературного языка, и его взаимодействия с древнеславянским (церковнославянским) языком — велось в широком плане, с большим выходом в смежные проблемы истории древнерусской и древнеславянских литератур, книжности, культуры, религии и быта, палеографии и текстологии. Эти проблемы волновали В. В. и в молодости, и в последние годы его жизни. До-

³ Сб. «Теоретические проблемы советского языкознания», М., 1968, стр. 160.

⁴ В. В. Виноградов, История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, «Филологический преглед», Београд, 1964, 3—4, стр. 65.

⁵ «Записка об ученых трудах заслуженного профессора имп. С.-Петербургского университета В. И. Ламанского, составленная акад. А. А. Шахматовым», сб. ОРЯС, LXIX, 1901, стр. XL.

статочно сопоставить яркую статью «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протоп. Аввакума» (сб. «Русская речь», I, 1923) и одну из самых последних работ В. В. «Основные вопросы и задачи изучения русского языка до XVIII в.» (ВЯ, 1969, 6). В работе о языке Аввакума В. В. интересовала прежде всего проблема «сплетения в пределах одной семантической плоскости символов двух категорий — церковно-книжных и разговорно-народных, которые оживают в новых сщеплениях» («О задачах стилистики...», стр. 241), вопрос двуначалия, двух истоков русского литературного языка — истоков книжного, старославянского и народного, диалектного. Эта двуединость древнерусского письменного языка в XVII в., в эпоху Аввакума и ранее, определяла стилистическую систему литературных произведений. Она же привела, по мнению В. В., к возникновению и практическому применению ломоносовской теории трех стилей и к структуре стилистических средств русского литературного языка пушкинской поры и затем современной эпохи.

В 1934 г. В. В. выпустил свои «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (2-е изд. — 1938). Это был первый в славистике систематический курс исторического развития и становления литературного языка, первое и неопровержимое подтверждение самостоятельности и необходимости существования отдельной дисциплины — истории литературного языка в отличие от обычной истории языка, которая теперь известна под именем исторической грамматики. Работа В. В. в этой области отличается поразительной целеустремленностью. Уже в статье «К истории лексики русского литературного языка», напечатанной в 1927 г. в сборнике «Русская речь» (Новая серия, I), традиционная, казалось бы, проблема славянизмов в русском языке раскрылась в неожиданной глубине и многогранности, обнаружили разные ее аспекты, причем не только лексикологический и морфологический, но и семантический, интерпретированный удивительно свежо и оригинально.

«Очерки» начинались со следующих слов: «Русским литературным языком средневековья был язык церковно-славянский. Во второй половине XVII в. резко проявился внутренний распад системы церковно-славянского языка, обозначившийся еще в XVI в. Изменения в структуре церковно-книжной речи были связаны с ростом литературного значения „светских“ — деловых, публицистических, повествовательных — стилей русского письменного языка и с расширением литературных прав бытовой речи» («Очерки», 1938, стр. 5). Этим утверждением в принципе как будто продолжалась известная концепция А. А. Шахматова и крупнейших русских ученых XIX в., согласно которой «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье» (А. А. Шахматов). Однако здесь оставался не выясненным вопрос времени, интенсивности, степени и условий адаптации церковнославянского литературного языка живым народным русским языком. Этот вопрос, как известно пытался вовсе снять акад. С. П. Обнорский, выдвигая «положение о происхождении русского литературного языка на русской базе»⁶. Часть лингвистов без должной критической оценки и разбора фактов (исключением был А. М. Селищев) априорно приняла гипотезу Обнорского.

⁶ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 8.

«...В области изучения древнерусского литературного языка, — как писал Виктор Владимирович в докладе на IV славистическом съезде, — создалось парадоксальное положение. Руководящая роль здесь — особенно в кругу вопросов, относящихся к выяснению основных тенденций развития восточнославянского литературного языка, дифференциации его стилей, к определению его взаимодействий с разными видами народной разговорной восточнославянской речи, а также со стилистикой устной народной поэзии, — перешла от историков русского языка к историкам древнерусской литературы, а отчасти к историкам культуры древней Руси» («Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка», 1958, стр. 3). В. В. предлагает свою, уже широко известную в науке концепцию, согласно которой с периода зарождения древнерусской письменности, т. е. с X—XI вв., и вплоть до конца XVI — середины XVII вв. существовали два основных типа русского литературного языка: книжнославянский, источником которого был старославянский язык, и народнолитературный (или «народнокультурный»), источником которого служила живая народная речь и язык фольклора. Две культурные стихии, определявшие развитие двух «типов» древнерусского литературного языка, находились в постоянном, хотя и достаточно сложном взаимодействии и были связаны в разные эпохи с различными литературными жанрами. Изменяясь с течением времени, типы языка и жанры древнерусской литературы создали систему, которая послужила основой для возникновения иерархии трех стилей в русском литературном языке XVIII в. На основе этой концепции В. В. предложил периодизацию каждого из двух «типов», в целом образующую общую периодизацию древнерусского письменного языка.

Не все в концепции В. В. нашло свое окончательное объяснение. Остался нерешенным вопрос о периодизации и сущности характера церковнославянского языка, об отношении древнерусского языка к другим древним славянским литературным языкам греко-славянского ареала и многое другое. Однако постановка вопроса о двух типах языка, о некоем древнем гомогенном двуязычии у православных славян позволяет выявлять книжный тип и в сербском, и в македонском, и в болгарском, и в великорусском и т. п. ареале, а затем сравнивать эти стандарты между собой и устанавливать для определенных эпох определенные нормы общего церковнославянского (древнеславянского) языка. В связи с этим уместно вспомнить, что призвание истинного и большого ученого, каким безусловно был В. В., совсем не в том, чтобы выбирать задачи и проблемы, где можно добавить завершающий штрих, поставить точку и закрыть дискуссию, — его призвание в том, чтобы находить ту область научных вопросов, где могут найти применение своих сил многие и многие исследователи, где нужно сказать не последнее слово, а развернуть программу изысканий и оттенить спорность выдвинутых положений.

В. В. любил полемику и сам часто выступал как страстный полемист. Полемическое горение и молодой задор не покидали его до последних дней жизни. Можно вспомнить, к примеру, его выступление на Пражском VI Международном съезде славистов по докладу проф. Б. Г. Унбегауна, в котором он видел своего достойного научного соперника и коллегу, труды которого он всегда высоко ценил. В. В. приветствовал работы, которые «пробуждают много мыслей и побуждают к более глубокому и многостороннему изучению процессов развития русского литературного языка и роли церковнославянизмов в его истории»⁷.

⁷ В. В. Виноградов, О новых исследованиях по истории русского литературного языка, ВЯ, 1969, 2, стр. 18.

Сам В. В. последнее время был склонен считать, что «процесс формирования, складывания древнерусского литературного языка определялся взаимодействием и синтезированием четырех (правда, неравноправных) элементов: 1) старославянского (или церковнославянского) языка; 2) деловой, государственно-правовой и дипломатической речи, развивавшейся еще в дописьменную эпоху; 3) языка фольклора и 4) народно-диалектных элементов. Роль конденсатора и грамматико-семантического регулятора сначала принадлежала церковнославянскому языку. Реальный состав сплава или смешения всех этих элементов зависел от жанра письменности и литературы. Изучение дальнейшего развития русского литературного языка должно быть направлено в сторону открытия закономерностей и правил взаимодействия, совмещения, скрещения, противопоставления и омонимического отталкивания русизмов и церковнославянизмов со все более и более усиливающимся влиянием народных русских элементов»⁸.

В. В. обладал большим и хорошо обработанным материалом, позволявшим ему сделать такой вывод. Еще в начале 30-х годов одновременно с работой над книгой «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков» он готовил книгу по исторической лексикологии русского языка. Превратности судьбы и занятость другими проблемами — в первую очередь языком Пушкина и исследованием грамматического строя русского языка — помешали ему своевременно осуществить свой замысел. Он хотел выполнить его в последние годы своей жизни, но смерть оказалась неумолимой. Однако оставшееся наследие по истории отдельных слов (большей частью опубликованное) и ряд проблемных статей по исторической и теоретической лексикологии позволяют нам почти полностью реконструировать задуманную им монографию.

Истоки словарного состава современного русского литературного языка и пути его становления, стилистическая валентность отдельных слов, их жизнь и развитие — вот что волновало В. В. в первую очередь. На примере отдельных слов В. В. раскрывал суть и направление разных активных процессов, действовавших в истории русской лексики. Так, например, современное слово *быт* вошло в литературный язык из живой народной речи, где оно первоначально означало «имущество, хозяйство, средства к жизни» (ср. Смоленск. *небыт* «бедность») и лишь в литературном языке приобрело более абстрактный смысл. Слово же *бытность*, появившееся в современном русском языке способность самостоятельного употребления (*в бытность*), проникло в литературную речь в эпоху интенсивного польского влияния в конце XVII—начале XVIII в. (ср. польск. *bytność*), при поддержке старославянской (церковнославянской) традиции (ср. «хлѣбъ нашъ бытныи даи же намъ» Псковск. еванг. XIV в. и т. п.)⁹. Таким образом, близкие и родственные, восходящие к одному праславянскому и индоевропейскому корню (**byti* «быть») слова, имеющие на первый взгляд непосредственную связь (ср. ст.-слав. *бытие*, *бытный*, *самобытный*), оказываются словами с различными судьбами и различными диалектными и социально-языковыми (или книжными) источниками. Не менее любопытна и своеобразна судьба таких слов, как *ахинея*, *роздых*, *голословный*, *советчик*, *дешевка*, *витать*, *мерцать*, *животрепещущий*, *злободневный*, *небосклон*, *вдохновить*, *лич-*

⁸ Там же, стр. 9—10.

⁹ В. В. Виноградов, Из истории лексических взаимоотношений русских говоров и литературного языка. 5. Быт, «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка [АН СССР]», 5, М.—Л., 1949; В. В. Виноградов, История возникновения и употребления слова *бытность* в русском языке, «Slavia orientalis», XVII, 3, 1968.

ность, нудный, свистопляска, отсебятина, на мази, стрелять, пошлый, завиральный, неудачник, крепостник, гвоздь, творчество, шумиха, неразбериха, щуплый, однокашник, двурушник, двурушничество, отчитать, завсегдатай, себялюбие, мракобесие, мракобес, распад, разложение, обобществовать, подписчик, наклеиваться, великие, поветрие, злопыхательство, новшество, пароход, простофиля, кругозор, полномочный, правомочный, самоуправление, прямолинейный, односторонний, самочувствие, непосредственный, письменность, очерк, суть, воззрение, завалящий, письменоносец, светоч, почва, плюгавый, поединок, предвзятый, предумышленный, представитель, царедворец, незабудка, начитанный, переживание, интеллигенция, пресловутый, истошный, дотошный, подковырка, пригвоздить, фортель, вертопрах, щелкопер, изящный, закал, закалить, набожный, набожность, перелистывать, сосредоточенный, стрюцкий, кутить, транжирить, зависеть, сословие, солдафон и др.; фразеологизмов — *оттереть очки*, *квасной патриотизм*, *с пальцем девять*, *с огузцом пятнадцать*, *танцевать от печки*, *точить балы*, *в сорочке родился*, *лить пули*, *кисейная барышня*, *перемывать косточки*, *на ять* и др. Уже этот неполный перечень слов и фразеологизмов, подробно рассмотренных В. В. не только с этимологической, но и со стилистической, социальной и литературной точек зрения, говорит о том, сколь широки и подробны были его познания в области истории русской словесности, фольклора, культуры, быта и нравов Руси и России, особенно России XIX в. с ее сословным многообразием и стилистическим «многоязычием».

Каждая такая статья представляет собой маленькую лингвистическую новеллу, способную по силе своего эмоционального воздействия, не говоря уже о строго научной стороне, оказаться в ряду лучших произведений русской художественной и публицистической литературы. Но каждая такая статья одновременно выступает как часть, как фрагмент строящегося здания диахронической лексикологии русского языка. Совершенно независимо от Н. Я. Марра и в некоторых случаях явно вопреки ему В. В. подчеркивал важность исследования содержательной стороны языка, изучения значения не в абстрактном или «трудногическом» ракурсе, а в конкретных исторических условиях. «Историческая семантика русского языка, — писал он в 1941 г., — должна быть основой и опорой истории русского языка. Между тем, пока еще нет устойчивых подготовительных работ для построения исторической семантики русского языка, еще не собран и не исследован необходимый материал для решения частных вопросов в этой области...» «В процессе накопления исторических фактов выяснятся основные пути международных путешествий, связей и скрещений русской лексики и фразеологии, обнаружатся социально-исторические причины таких семантических отношений. Вместе с тем наблюдения над семантическими изменениями, связанными с переходом слов и фраз как из одного языка в другой, так и из одного диалекта или стиля в другой, помогают тошнее и яснее понять историю стилей русского литературного языка — на фоне сравнительной истории других языков (например, западноевропейских) и на фоне исторической диалектологии и исторической лексикологии самого русского языка»¹⁰.

В. В. был одним из создателей и ведущих авторов «Толкового словаря русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова (о чем несправедливо умалчивается в первом томе этого словаря), где ему принадлежало

¹⁰ В. В. Виноградов, Лексикологические заметки. 1. Вопрос об историческом словаре русского литературного языка XVIII—XX вв., «Уч. зап. Моск. гос. пед.-дефектолог. ин-та», I, 1941, стр. 3, 14.

значительное число статей, в том числе и наиболее трудных — по служебно-грамматическим словам. Ему принадлежит целая серия исследований и статей по лексикологии и лексикографии, перечисление которых невозможно, но среди которых были такие основополагающие и программные, вызвавшие к жизни множество статей и исследований разных авторов, как «Основные типы лексических значений слов» (ВЯ, 1953, 5), «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии» (ИАН ОЛЯ, 1953, 3), «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (сб. «А. А. Шахматов. 1864—1920», М.—Л., 1947).

Виктора Владимировича без всякого преувеличения можно назвать открывателем и создателем современной отечественной науки о фразеологии. В 1944 г. с полным основанием он говорил, что «неопределенность границ, целей и основных категорий фразеологии мешает этой дисциплине свободно и самостоятельно развиваться»¹¹. Как и во многих других случаях, В. В. не ограничился лишь констатацией имеющегося положения в науке, а наметил ясную программу действий, предложив достаточно четкий, ныне уже почти всеми принятый критерий — классификацию типов фразеологизмов: 1) фразеологическое сращение, 2) фразеологическое единство, 3) связанное фразеологическое сочетание. «Разработка проблем лексикологии и фразеологии, — настаивал В. В., — должна вестись параллельно с дальнейшим развитием синтаксической науки»¹². Здесь опять, как и во многих других случаях, достаточно последовательно подчеркивается идея зависимости современного синхронного состояния от процесса исторического развития и идея взаимообусловленности и иерархической связанности отдельных ярусов — срезов языка.

Тем не менее В. В. призывал различать диахронический подход к явлениям языка и подход синхронный, указывая и на разные результаты (выводы) в итоге таких подходов. Эту мысль он проводил и в серии исследований по омонимии. В недавнем докладе на Пражском славистическом съезде он писал: «С исторической точки зрения вся совокупность омонимов, развившихся из одной смысловой единицы, может быть рассматриваема как разветвления одного слова, как его исторические вариации, если есть возможность установить непосредственную генетическую связь между разными значениями и показать непрерывность их развития. Таким образом, содержание понятий — омонимы и „разные значения одного и того же слова“ в области историко-лексикологического исследования иное, более широкое, чем при живом восприятии слов в современном языке»¹³.

Исследованный В. В. лексический и фразеологический материал, так же как и материал грамматический, не воспринимается статически, он часто обращен в прошлое, но не менее отчетливо его обращение и в будущее. Именно так и построен уже упоминавшийся капитальный труд «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», где рассмотрен и ранний период и период становления русского национального литературного языка, наконец, предопределены пути дальнейшего развития языка в XIX—XX вв. И все же для В. В. любимой эпохой развития нашего литературного языка была эпоха Пушкина, которую он

¹¹ В. В. Виноградов, Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, «Труды юбилейной научной сессии [ЛГУ], Секция филологических наук, Л., 1946, стр. 45.

¹² В. В. Виноградов, Об основных типах фразеологических единиц в русском языке, стр. 364.

¹³ В. В. Виноградов, Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках, сб. «Славянское языкознание. VI. Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968, стр. 119.

так ярко и поэтически раскрыл в своих капитальных трудах «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941), представивших выразительную картину борьбы и взаимодействия разных стихий русского литературного языка — народно-разговорной речи, церковнославянского языка и западноевропейского элемента.

Дальнейшую работу в этой области В. В. ведет широким фронтом — от эпохи русского романтизма и реализма до живых языковых процессов современной поры. Исключительное место в предложенной В. В. концепции истории литературного языка занимает вопрос о качественном своеобразии развития литературного языка в донациональный и национальный периоды. Позже В. В., еще более расширяя круг своих исследований, изучает общие закономерности развития славянских литературных языков. Этим вопросам был посвящен его доклад на V съезде славистов в Софии в 1963 г. и доклад на Международном симпозиуме в Белграде о Вуке Караджиче в 1964 г.

В. В. углубляет наши представления об общей системе современного русского литературного языка, вскрывает ее структурно-стилистическую сложность, обнаруживает исторически изменчивое и противоречивое взаимоотношение входящих в нее подсистем в их звуковом, грамматическом и лексико-фразеологическом единстве, оригинально ставит проблемы взаимодействия стилей литературного языка, языка города и народных говоров, разговорного и книжного языка, общелитературного языка и языка художественной литературы на разных этапах их развития.

В органической связи с исследованием истории литературного языка В. В. Виноградов занимался изучением языка и стиля русских писателей. Как бы пристально ни вглядывался ученый в индивидуальный стиль писателя, мастерски вскрывая неповторимое своеобразие структуры его художественной речи, главное для него — «связь процессов развития литературного языка и стилей художественной литературы» (так названа заключительная глава его книги «О языке художественной литературы»). Наиболее полно это единство общего и индивидуального проявилось в творчестве Пушкина. Вот почему язык Пушкина, стиль Пушкина стали одной из центральных тем, над которыми В. В. Виноградов работал до последнего дня.

Примером органического соединения проблем истории литературного языка, литературных стилей и индивидуального стиля писателя является блистательный анализ присоединительных конструкций разного типа в стиле Пушкина. Исключительное значение для понимания стиля Пушкина в его связях с традицией представляет идея В. В. о «мышлении литературными стилями» как одной из наиболее ярких особенностей пушкинского художественного мышления вообще.

В. В., так же как и его единомышленникам (а в некоторых случаях и оппонентам) по «формальной» поэтической школе, пришлось заново разработать методологию и методику стилистического анализа. Это было необходимо и для того, чтобы преодолеть крайний субъективизм критиков и литературоведов при оценке языка и стиля литературного произведения, дать точные, научно обоснованные критерии, решить целый ряд текстологических проблем. Так родилась наука о языке художественной литературы, родилась не в 1959 г., когда В. В. прямо об этом заявил в книге «О языке художественной литературы», но значительно раньше, в 20-е годы, когда появилась статья «О задачах стилистики» (сб. «Русская речь», I), в которой уже тогда совершенно четко были выделены два аспекта — стилистика разговорной и письменной речи и стилистика поэтической речи, которая организует литературно-художественные произведения.

На материале творчества таких разных индивидуальностей, как Авакум и Ахматова, В. В. выдвинул и обосновал подход к стилю писателя с точки зрения поэтической символики и «синтактики», понимаемой как законы смены и чередования речевых типов в художественном произведении.

В книге «О художественной прозе» (1930), подводя итог своим исследованиям 20-х годов, В. В. пишет: «Изучение языка литературного сочинения должно быть одновременно и социально-лингвистическим и литературно-стилистическим» (стр. 29). Он показывает, что художественное произведение должно изучаться в двух взаимосвязанных контекстах: в контексте литературно-художественных форм речи и в контексте социально-языковых систем. В этой связи В. В. разрабатывает учение о композиционно-речевых категориях литературы. Сущность его заключается в выделении и систематизации однородных форм словесной композиции, разграничении разных типов монолога и диалога, организующих художественное целое и конструирующих «художественно-языковое сознание». Типология основных композиционно-речевых систем не ограничивается только художественной литературой. В. В. на широкой исторической основе решает проблему соотношения поэтики и риторики.

Художественное произведение понимается В. В. Виноградовым как целостная структура. Поэтому рассмотрение отдельных особенностей в отрыве от целого чуждо В. В. В его концепции «части... определяются как органические члены структуры, конструирующие ее смысловую замкнутость. Таким образом, единство усматривается в структурных формах, в „частях“, а „части“ — в единстве» («О художественной прозе», стр. 67).

Естественно возникает вопрос: чем же организуется словесно-художественное единство, что же является композиционно-стилистическим центром, стержнем литературного произведения? Одни искали его в идеях, другие — в образах, характерах, третьи — в сюжете. Но ни одно, ни другое, ни третье не давало ответа, появлялись новые трудности, эти предположения быстро обнаруживали свою несостоятельность. В. В. выдвигает идею «образа автора».

В книге «О языке художественной литературы» В. В. так формулирует свою мысль: «... в композиции художественного произведения динамически развертывающееся содержание раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в «образе автора» и его создающих как сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств. Именно в своеобразии этой речевой структуры образа автора глубже и ярче всего выражается стилистическое единство композиционного целого» (стр. 154).

«Автор» не только выбирает предметы и явления действительности, но и форму повествования о них. При этом существенным становятся уже не прямые или косвенные суждения автора, а то, что изображается и как изображается, различные соотношения и связи между предметами изображения внутри художественного целого, между структурными формами диалога и монолога.

Уже такая постановка проблемы разрушает наивное представление об образных средствах как только об эпитетах, метафорах, сравнениях и т. п., по-новому решается вопрос об образе.

От раскрытия связей литературного языка и стилей литературы в творчестве того или иного писателя В. В. шел к теоретическим обобщениям. Широкий охват материала, глубокое понимание специфики языка художественной литературы, закономерностей смены художественных стилей и законов развития литературного языка позволили

В. В. Виноградову сделать замечательное открытие: «... реализм как словесно-художественная система в литературе того или иного народа не может сложиться до образования соответствующего национального литературного языка...» («О языке художественной литературы», стр. 466).

Мысль о связи процессов формирования реализма с созданием нормы национального литературного языка полемически направлена против узкого и одностороннего понимания реализма в аспекте социально-идеологическом или в плане народно-разговорной речи.

Установив единство коммуникативной и эстетической функций языка в художественной литературе, В. В. Виноградов на многочисленных примерах показал, как происходит превращение элементов бытовой речи в факт искусства. Он вскрывает приемы и средства индивидуального пользования речевых фактов, принципы употребления разных лексических слоев и связи между лексико-фразеологическим составом и синтаксическим строем художественного произведения, обнаруживает особенности национально-речевой характерологии, приемы и принципы создания образной системы. В. В. анализирует литературное произведение в единстве его формы и содержания, тем самым преодолевая разрыв между историей и теорией литературы, с одной стороны, и языкознанием, с другой. В. В. не декларативно, а на практике доказал необходимость и возможность взаимодействия литературоведческих и лингвистических методов анализа. Глубокому и изощренному филологическому разбору были подвергнуты произведения таких разных писателей, как Аввакум, Карамзин, Дмитриев, Пушкин, Загоскин, Гоголь, Достоевский, Крылов, Лермонтов, Толстой, Салтыков-Щедрин, Лесков, Ахматова, Зощенко, Федин, Станиславский и др.

Тонкая интуиция ученого сочеталась с необыкновенным умением дать точную и строгую систематизацию и классификацию материала. В. В. всегда был очень точен в своих наблюдениях и обобщениях. Он не прибегал к формулам и не занимался подсчетами, создающими зачастую видимость точности, но строго описывал объект и находил его определенное место в системе. Теоретические построения В. В. нашли блистательное подтверждение в его атрибуциях. В. В. вернул читателю десятки и сотни страниц Карамзина, Пушкина, Достоевского, решил ряд сложнейших текстологических вопросов. Уже одного этого было бы достаточно, чтобы говорить о выдающихся заслугах В. В. перед русской культурой.

Работа В. В. Виноградова в области языка художественной литературы привела его к важным обобщениям — разграничению основных понятий и категорий стилистики и поэтики и выявлению их взаимных связей и отношений в серии крупных исследований последних лет: «О языке художественной литературы» (1959), «Проблема авторства и теория стилей» (1961), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), «Сюжет и стиль» (1963).

В стилистике В. В. выделяет стилистику языка как системы систем: «она изучает в функциональном плане соотносительные стили языка в их синонимических связях и противопоставлениях — с парадигматической, синтагматической и лексико-фразеологической — точек зрения» («Стилистика. Теория...», стр. 201); к стилистике языка непосредственно примыкает стилистика речи, «изучающая массовую и социально, а также персонально ограниченную коммуникацию, а также социальные стили речи, т. е. енособы употребления языка и его стилей в разных видах монологической и диалогической речи и в разных вызванных или кодифицированных общественным бытом композиционно-речевых системах...» (там же, стр. 201—202). Особо выделяется стилистика художественной литературы. И, наконец, определяются содержание и методология теории поэтической

речи как особой лингвистической дисциплины, задачи которой состоят «в изучении и раскрытии всех функционально-творческих условий, которые сообщают языковому явлению качества поэтического» (там же, стр. 139), — и поэтики, которая, «отправляясь от лингвистической стилистики и теории поэтической речи, ... в своем собственном становлении насыщается понятиями и обобщениями теории литературы и искусствознания» (стр. 206).

Весьма значителен вклад В. В. в наше литературоведение. Достаточно вспомнить его ранние работы «Гоголь и натуральная школа» (1925), «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский» (1929), работы о Пушкине и Достоевском; не случайно, что в последних, еще не изданных, работах В. В. вернулся к проблеме творчества Пушкина и Гоголя, обратился к сопоставлению «Евгения Онегина» и «Мертвых душ», углубленно изучал поэтику, творческий метод и тексты Ф. М. Достоевского.

Весьма значителен труд В. В. по истории отечественного языкознания. С молодых лет — с 20-х годов, со статьи о Шахматове, он начал историографию русского языкознания, привлекая внимание лингвистов не только к корифеям отечественной науки, но и к именам недостаточно известным или несправедливо забытым. Он любовно и тщательно воссоздал лингвистические системы целой плеяды русских ученых-языковедов, и многие из тех старых трудов, которые сейчас хорошо знает каждый русист, стали известны благодаря работам В. В., им были разысканы, оценены и возрождены для науки. Кажется, все основные звенья исторического развития русской науки о русском языке были им детально рассмотрены: от Ломоносова до Шахматова и Щербы, не минуя Востокова, Добиаша, Потебню, Бодуэна де Куртенэ, Фортунатова, Крушевского, Богородицкого. Много внимания уделял В. В. и трудам своих современников — А. М. Пешковского, В. И. Чернышева, Л. П. Якубинского, Ю. И. Тынянова и др.

Нет сомнения, о жизни и творчестве Виктора Владимировича будет написано еще много статей, исследований и книг, будут детально изучены и рассмотрены его концепции, будет установлено последовательное развитие его взглядов на основные проблемы славянской филологии, славянского и русского языкознания, теории грамматики, лексикологии, стилистики, текстологии и истории русского литературного языка. Будет оценена его общественная и научно-административная деятельность. Наконец, будут изданы его многочисленные труды, оставшиеся в рукописях (три книги и ряд статей и набросков). Этим будет принесена дань благодарности ученому, посвятившему все свои устремления служению науке о русском языке, ученому, до последнего дня своей жизни не выпускавшему пера из своей руки, неутомимо и настойчиво трудившемуся и не представлявшему своей жизни без взыскательного и строгого отношения к своему научному призванию.

Для друзей, учеников и сотрудников Виктора Владимировича, на долю которых выпало редкое счастье вести вместе с ним и под его руководством журнал «Вопросы языкознания», навсегда останется живым облик учителя и старшего коллеги, внимательного и доброжелательного, вдумчивого, наблюдательного, критического и остроумного, верящего в непреходящую силу и справедливость науки и всем сердцем преданного ей и своему родному русскому языку.